

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

8

2016 (206)

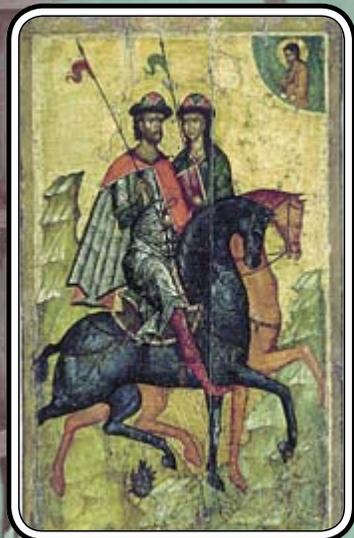
6+

Детская

ИМЕНА:

Н. А. Некрасов

ПОДВИЖНИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ:

Борис и Глеб

Нодар Думбадзе

Я, бабушка, Илико и Илларион

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Н. Ге. Портрет Натальи Ивановны Петрункевич
у открытого окна. 1831–1894 гг.

Борис Пастернак

Лето в городе

Разговоры вполголоса,
И с поспешностью пылкой
Кверху собраны волосы
Всей копною с затылка.
Из-под гребня тяжёлого
Смотрит женщина в шлеме,
Запрокинувши голову
Вместе с косами всеми.
А на улице жаркая
Ночь сулит непогоду,
И расходятся, шаркая,
По домам пешеходы.
Гром отрывистый слышится,
Отдающийся резко,
И от ветра колышется
На окне занавеска.
Наступает безмолвие,
Но по-прежнему парит,
И по-прежнему молнии
В небе шарят и шарят.
А когда светозарное
Утро знойное снова
Сушит лужи бульварные
После ливня ночного,
Смотрят хмуро по случаю
Своего недосыпа
Вековые, пахучие
Неотцветшие липы.

1953 г.

К. Петров-Водкин
Розовый натюрморт
1918 г.

В номере:

3

Надар Думбадзе

Я, бабушка, Илико и Илларион

16

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Бежин луг

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Художник, скульптор и медальер: граф Фёдор Толстой

22

РАССКАЗЫ

Иван Тургенев

Бежин луг

25

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Владимир Волков

Габардиновая кепка

28

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

Отечества достойный сын...

30

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Павел Гусев

Разговорчивый хвостик.

Пусик, Тузик и Оля.

Салочки с дедушкой

32

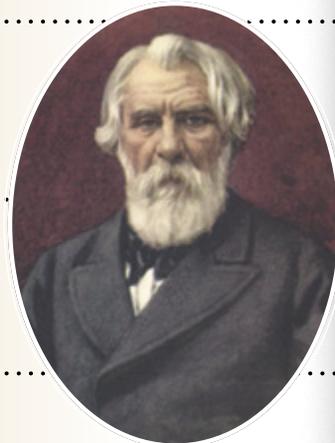
ПОДВИЖНИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Александр Карпов

Борис и Глеб

35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая

типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 2470

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Я, бабушка, Илико и Илларион

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

БАБУШКА

Справа от моего села протекает река Губазоули, слева — небольшая речушка Лаше, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды чёрные сваи. И всё же моё село самое красивое и весёлое в Гурии. Я люблю его больше всех сёл на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада... Моя бабушка — мудрая женщина.

Она постоянно твердит мне:

— Учись, негодяй, учись, а то неучем останешься!

О науке у бабушки своеобразное представление. Однажды, когда я сидел на балконе и во весь голос твердил наизусть правила из грузинской грамматики, бабушка спросила:

— Что это ты там зубришь, сынок?

— Лицо глагола, бабушка!

— Что? Где это слыхано — лицо у глагола! Лицо может быть только у человека!

— Это другое лицо, бабушка, совсем не то, что ты думаешь.

— Лицо на свете одно. И всё.

— Ладно, — сказал я и захлопнул книгу, — отвечай тогда, что такое лицо.

— ЛИЦО — это... ЛИЦО!

— Садись, бабушка. Урока не знаешь, ставлю двойку!

— Я тебе покажу двойку, прохвост! Сию же секунду иди и привяжи козу, не то так взгрею — своих не узнаешь!

— Хорошо, ещё один вопрос задам и пойду. Сколько существует лиц?

— Лиц столько, сколько людей на свете. Но лицо дано не для того, чтобы такие гримасы строить, болван! У одних лицо худое, у других — круглое и тол-

стое, у третьих — вообще не разберёшь какое, размазня одна. А ещё бывают лицемерные и двуличные люди.

— Жулики тоже бывают, — сказал я.

— Правильно! Например, наш почтальон. Сдирает с конвертов марки, а потом говорит — без марки, мол, было, давай рубль.

— А я какой, бабушка?

— Ты? Ты прохвост, шалопай, бездельник, плут, пройдоха и нехристь к тому же!

Нет во всей Гурии женщины, которая могла бы проклинать лучше, чем моя бабушка. Но мне не страшны её проклятия — однажды бабушка обмолвилась: «Уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя...» Надо сказать, моя бабушка весьма отрицательно относится к бездушному решению Наркомпроса, которое обязывает учащихся ежедневно высиживать в школе полные шесть уроков. Хотя лично я никогда не давал ей повода для этого. Свой учебный день я, как правило, еле дотягиваю до четвёртого урока. Потом уже теряю всякое представление о времени и пространстве и голосом, несколько громче обычного, спрашиваю соседа по парте:

— Ромули, дорогой мой, что это так долго не звонят? Звонок пропал или сторож?

Ромули скалит зубы, а учитель, указывая на меня пальцем (я показательный ученик!), ласково процеживает:

— Сейчас же встань и убирайся вон! И пока не приведёшь родных, чтобы духу твоего здесь не было!

Я не спрашиваю «почему?», так как знаю, что после такой дискуссии в ход обычно пускаются мел и линейка. Я молча беру сумку и фуражку и направляюсь к двери.

— До свидания! — говорю я Ромули.

— До скорой встречи! — говорит он мне и машет рукой.

На второй день я веду в школу бабушку, затем бабушка ведёт меня домой, потом опять я веду бабушку в школу, и снова бабушка отводит меня домой, и так далее. Можно смело сказать, что десятилетку я и бабушка заканчивали вместе. По-моему, это единственный случай в истории человечества. Я обыкновенный деревенский мальчик. У меня в сумке всегда фрукты, рогатка и пугач. До первых заморозков хожу в школу босиком. У меня всего одни залатанные штаны и по две переэкзаменовки каждый год.

Из-за моей собаки Мурады, которая всегда бежит за мной хвостом, в деревне меня называют собачником, в школе — плутом и лентяем, а бабушка раз и навсегда окрестила прохвостом.

Настоящее же моё имя — Зурико. Когда бабушка сердита на меня, я но-чую в давилъне; как помиримся — я снова перебираюсь в комнату. Днём ба-бушка, призывая на мою грешную голо-ву грома небесные, гоняется за мной с хворостиной в руке. Ночью она моет мне ноги и, дождавшись, когда я усну, тихо целует... Как я веду себя в школе? На этот счёт существует официальный документ — «Протокол заседания пед-совета». Выглядит этот документ при-мерно так:

«Протокол заседания педагогическо-го совета Н-ской средней школы от 18 марта 1940 года.

Присутствовали: все преподаватели.

Слушали: сообщение руководителя шестого класса о поведении ученика то-го же класса Зураба Вашаломидзе.

Высказались:

Преподаватель физики: «В природе не существует энергии, которая могла бы расшевелить Вашаломидзе. Маль-чик этот — погружённое в жидкость те-ло, на которое не действует никакая вы-талкивающая сила!»

Преподаватель математики: «Для меня Вашаломидзе — уравнение со ста неизвестными. Решить такое уравнение я не в силах».

Преподаватель химии: «Никакой ре-акции! Сидит и выматывает мне нервы. Это какой-то необычный лакмус: он ни-когда не краснеет!»

Преподаватель русского языка: «По-моему, он просто идиот».

Преподаватель географии: «Позна-ния Вашаломидзе весьма не рельефны. Мальчик или аномальный, или исто-щённый».

Преподаватель истории: «Это скорее человек каменного века, чем цивилизо-ванный представитель двадцатого сто-летия. Невозможно зафиксировать мо-мент нахождения Вашаломидзе в состо-янии покоя на уроке. Никакого про-гресса. Вашаломидзе — позор для всего класса».

Школьный сторож: «Да что вы при-стали к бедному ребёнку? Если уж он такой дурак, как же вы его переводите из класса в класс?»

Завуч: «Тебя не спрашивают! Твоё де-ло — приходите вовремя и звонить!»

Преподаватель грузинского языка (мой близкий родственник): «Я вас не

понимаю! Можно подумать, что на этом Вашаломидзе свет клином сошёл! Да кто у вас в классе лучше его? Может, директорский сынок? Круглый пятё-рочник, а такого идиота я в жизни не встречал! Сидит на уроках, точно сыч в дупле».

Преподаватель физкультуры: «А по-чему ты ставишь ему пятёрки?»

Преподаватель грузинского языка: «Попробуй не поставь!»

Завуч: «Замолчите!.. А ты что ска-жешь, Вашаломидзе?»

Вашаломидзе: «Учитель грузинского языка прав».

Завуч: «Истукан! Не об этом спраши-ваю! Что ты скажешь о себе?»

Вашаломидзе: «О себе? На этот раз простите, а в дальнейшем я исправ-люсь!»

Наслушавшись подобных отзывов о собственной персоне, я усомнился было в своей нормальности и здоровье, но счастливый случай рассеял мои подо-зрения.

Пришлось мне как-то целую неделю не ходить в школу — мотыжил кукуру-зу. А чтобы за пропуски занятий не ис-ключили из школы, требовалась справ-ка о болезни. В те времена в нашей де-ревне таких справок здоровым людям, к сожалению, не выдавали. Поэтому пришлось уложить меня на один час в постель и вызвать врача.

С утра меня морили голодом, чтобы придать моему лицу болезненную блед-ность, стянули голову полотенцем, и ба-бушка отправилась за врачом. Через полчаса врач осадил своего коня в на-шем дворе.

— Что с тобой, парень? — спросил врач, присаживаясь ко мне на кровать.

— Умираю... — простонал я.

— Хорошо... А всё же, что у тебя болит?

Признаться, такого вопроса я не ожи-дал и поэтому в испуге взглянул на ба-бушку.

— Всё болит, — сказала бабушка.

— Волосы болят?

— Болят, — простонал я.

В это время в комнату вошли сосе-ди — Илико и Илларион. Они знали о моей «болезни» и тут же вступили в раз-говор.

— Что-то в последнее время стал я за-мечать, ослабел наш мальчик, — сказал Илларион.

— Точнее...

— Точнее? Appetит у него пропал. Простой раз насилу заставил мальчика съесть три тарелки лобии и один мчади. И ни куска больше!

— Да ну? — удивился врач.

— Тобой клянусь!.. Раньше, бывало, он съедал ещё головку сыра, а в тот день как заупрямится — «не хочу да не хочу!». Дома, говорит, уже обедал.

— Это правда? — спросил меня врач.

— Правда, доктор. Как увижу лобии, сразу тошнить начинается.

— Мда... А как насчёт жареного цыпленка с чесночной подливкой, или молодого сулгуни с мятой, или целиком отварной курочки с эстрагоном, или, друг ты мой любезный, может быть, лучше рубец с острой приправой, или, скажем, усач и форель в ореховом соусе? Что скажешь?

— С ума сведёт ребёнка этот болван, — пробормотала бабушка.

Илико не выдержал такого меню и, закашлявшись, выскочил на балкон. Илларион выдержал испытание и стал разглядывать фотографии в альбоме.

— Что ещё болит у него? — спросил с улыбкой врач. Потом снял с моей головы полотенце и заботливо утёр мне слюни.

— Ещё... чихает! — ответил Илларион.

— А моча у него какая?

Тут и Илларион не нашёлся что ответить.

— Какая у него моча, Илико? — обратился он к вернувшемуся в комнату Илико.

— Моча? — не растерялся тот. — В последнее время, прямо скажу, не нравится мне его моча.

— А раньше была хорошая?

— Изумительная!

— На что ещё жалуешься, молодой человек?

— Хи-хи! — кашлянул Илико. — Ещё он немного, того... — И он выразительно покрутил пальцем у своего виска.

Я понял, на что он намекал.

— Да?.. А ну, сколько это? — спросил врач и поднёс к моему носу растопыренную пятерню.

— Семь! — сказал я и как можно глупее улыбнулся.

— Правильно! — воскликнул врач.

Илларион от удивления выронил очки, бабушка в испуге отшатнулась. Врач вывернул мне веки, опустил, потом снова поднял, заглянул мне в гла-

за, с сожалением покачал головой и спросил:

— Родственников и близких узнаёт?

— С трудом, — вздохнул Илларион.

— Так... Кто этот человек? — спросил меня врач, указывая на Илико.

— Это не человек, это зверь! — сказал я и придал своему лицу такое идиотское выражение, какого и Илико не ожидал.

— Зурико, это же я, твой дядюшка Илико, неужели не узнаёшь? — сокрушённо произнёс Илико.

Я отрицательно покачал головой и скосил глаза к переносице. Бабушка закусилла нижнюю губу и схватилась за голову.

— Чем лечите больного? — спросил врач.

— Виски натираем водкой.

— Принесите сюда эту водку!

Бабушка торопливо принесла бутылку с водкой.

— Подайте мне чайный стакан!

Подали. Врач наполнил стакан и начал:

— Положение ребёнка весьма серьёзное, боюсь, не протянет до утра. Нужно

немедленно везти его в больницу на операцию!

— На какую операцию?! — вскочил я с постели.

— Придется вскрыть черепную коробку...

— Только через мой труп! — вскричала бабушка. — Ишь ты, «вскрыть черепную коробку»! Это тебе не тыквами торговать. Да что ты понимаешь в болезнях? Мальчик здоров, как бык, а он — «в больницу»! Вставай, сынок, вставай, а то и впрямь он загонит тебя в могилу!

— Ну, вот и отлично! Здоров, говорите? Дай бог и впредь всем вам здоровья! — сказал с улыбкой врач и опрокинул в рот стакан.

— А закусить? — сказал Илларион и подал ему грушу.

Врач аппетитно, с хрустом откусил грушу, потрепал меня по щеке, простился со всеми и, направляясь к выходу, сказал:

— А такого здорового мальчишки действительно во всей деревне не найдёшь.

Потом он вскочил на коня, помахал рукой и ускакал...

ОХОТА

Спустя неделю после моего чудесного исцеления к нам во двор зашёл Илларион. Он прилёг на траву под грушевым деревом, закурил самокрутку и, сладко потягиваясь, спросил:

— Ну, что, собачник, перенёс операцию?

— Вам всем, конечно, начхать, а я чуть было не погиб!

— Скажи, пожалуйста! «Погиб»! А какая тебе грозила опасность? Ну, вскрыли бы твой паршивый череп и тут же бы и захлопнули. Чего копать-то в пустоте?

— Ладно, ладно... «В пустоте»... Зато ты да твой дружок Илико — ума палата!

Помолчали.

— Что это твоей собаки не видать? — спросил Илларион, и в тот же миг, словно в ответ на его слова, раздался отчаянный собачий визг.

— Убью скотину, убью! Пропали ты пропадом, Зурукела-негодник, вместе со своей собакой! И где ты её откопал. Эту безродную тварь?! Слыханное ли дело! Сперва таскала яйца из-под наседки, а теперь принялась за цыплят! По тропинке между изгородями, громко голоса и размахивая палкой, ковыляла соседка Ефросинэ. Перед ней, жалобно скуля и волоча заднюю ногу, бежал мой бедный Мурада.

— Держи его! — вопил из своего двора муж Ефросинэ.

— Да что ты раскричалась, баба! Что случилось?! — выскочила из дома бабушка. — Это кто же, по-твоему, безродная тварь? Наш Мурада? Да он, если хочешь знать, породистее твоего мужа и всей вашей родни!... Проваливай лучше, пока не поздно! Безродный... Да я за него с двух доек сыр отдала мельнику Симону!

Ефросинэ, которая больше всего на свете боялась бабушки, тотчас же повернула обратно, а Мурада с видом оскорблённого достоинства прилёг у моих ног. Не сводя глаз с удалявшейся Ефросинэ, он жалобно повизгивал. Как только женщина скрылась за поворотом, собака умолкла.

— Здравствуй, Мурада! — поздоровался с собакой Илларион.

«Здравствуй!» — ответил про себя Мурада и приветливо вильнул хвостом.

— Ах ты, лисья порода! — улыбнулся Илларион, доставая изо рта собаки цыплячий пух. — За что тебя пробрали?

«А бог их знает, — проговорил про себя Мурада, — оставляют без присмотра цыплят на улице, а потом ещё обижаются...»

— Крепко досталось тебе?

«Порядком», — ответил про себя Мурада и взглянул на ушибленную ногу.

— Не огорчайся, пройдёт...

«Да не так уж и больно, как хотелось бы Ефросинэ», — улыбнулся Мурада, тряхнул ушами и стал лизать Иллариону руку.

— Что с его мордой? — спросил меня Илларион.

— Обжётся, дурак. Вчера вздумалось ему стащить со сковороды мчади, вот и угодил носом в огонь...

— Это правда, Мурада?

«Эх, на сей раз не повезло, поторопился малость», — вздохнул Мурада и облизнулся.

— Да ты, брат, не собака, а настоящее сокровище! — произнёс с уважением Илларион. — Вот этот собачник, гляди, какой верзила вымахал, а всё на бабушкиной шее сидит, а ты уже сам о себе заботишься. Молодец! Однако воровать всё же нельзя, это ты учти! Краденый кусок впрок не идёт. Вот хоть возьми нашего завскладом Датико, — близок его смертный час. А какой ненасытный был, всё ему мало. Теперь вот валяется в постели, как списанный товар. Слышишь?

«Слышать-то слышу, да что с того? Все воруют, а я что, божий агнец. В конце концов я обыкновенный пёс», — возразил про себя Мурада.

— Ладно, иди к себе и не вздумай убежать со двора, не то поколочу, сукин ты сын! — сказал я и легонько пнул собаку ногой.

«Не ругайся!» — огрызнулся Мурада и, поджав хвост, побрёл восвояси.

Илларион скрутил самокрутку, затянулся и сказал:

— Утром обошёл я колхозные поля, побеги сои сплошь обглоданы, не иначе, как зайцы шалят... Следы видел... Не мешало бы пройтись завтра утром с ружьём...

— Знаю я твоих зайцев! Прошлый раз ты тоже потащил меня, а заячьи следы оказались козьими.

— А сейчас, говорю тебе, — заячьи! Кроме того, помёт заячий!

— Ну ладно, пойдём. Смотри только, как бы заячий помёт тоже не оказался козьим!

— Не учи меня, сопляк! Приготовька к утру ружьё да захвати своего глупого пса, авось пригодится... — сказал Илларион, нахлобучил мне по самый нос фуражку и ушёл.

На другое утро, чуть свет, мы пробирались сквозь высокую — по колено — росистую траву. Впереди шагал Илларион, за ним — я, за мной трусил весь мокрый, облепленный репьем Мурада.

— Вот это собака! — насмеялся Илларион. — Никак за зайцев нас принимает — по следу идёт. Скажи ей, пусть бежит вперёд!

— Марш вперёд! — приказал я собаке.

Мурада послушно сел.

— Устал пёс. Может, и нам отдохнуть и перекусить чего-нибудь, а? — спросил Илларион и опустился на землю.

— Что ж, отдохнём, — согласился я и уселся рядом.

Илларион извлёк из сумки варёную курицу, мчади, молодой сыр, бутылку виноградной водки и разложил всё это на большом круглом камне. Я, со своей стороны, прибавил к столу пхали (блюдо из травы с острой приправой) из крапивы, лобio, варёную картошку, соль. И пиршество началось.

— Смотри, Илларион, не чавкай громко, зайцев распугаешь! — предупредил я.

— Ты над кем смеёшься, урод? Зайцев здесь хоть пруд пруди, только искать их нужно с головой! — рассердился Илларион.

Он наполнил стакан водкой и, произнеся обычное «будем здоровы», осушил его.

— Будем здоровы! — сказал я и тоже выпил.

— Закуси чем-нибудь, сгоришь!

— Подумаешь! Не видал я сивухи!

— Мерзавец! Сивуху поищи у своей бабушки! .. Ну, давай по второй!

— Давай! — охотно согласился я, выпил и вдруг развеселился. Ну и пробирает! Бьёт прямо в почки!

— Ещё бы — чистая чача (по-грузински и «почка» и «виноградная водка»)! — Выпьем по третьей, — предложил я.

— Выпьем!

Илларион быстро опрокинул в рот стакан и достал кисет с табаком.

— На вот, возьми мой кисет, табак у меня знатный: стамбульский! — сказал я, протягивая полный кисет.

Илларион взял кисет, понюхал табак, подозрительно взглянул на меня, но всё же скрутил козью ножку, зажёл, затянулся и... опрокинулся на спину.

— Что с тобой, Илларион?! — кинулся я к нему.

Илларион лежал побледневший, с закатывшимися глазами и молчал.

— Мурада, скорей воды! — крикнул я.

Илларион отрицательно покачал головой, медленно приподнялся, долго смотрел на меня покрасневшими глазами, потом глубоко вздохнул и спросил голосом приговорённого:

— Откуда у тебя этот табак?

— Илико подарил. А что?

Илларион наполнил стакан, смахнул слезу, потом простёр руку к небу и медленно, торжественно произнёс:

— Боже всемогущий, покарай всех жуликов и подлецов на свете! Ниспосли на Илико Чигогидзе кару, чтобы корчился он в адских муках и некому было бы подать ему руку помощи, кроме меня! Аминь!

— В чём дело, дядя Илларион?!

— К табаку примешан перец!

— Ну, тогда выпьем по четвёртой, и пусть Бог накажет Илико! — сказал я, выпил, и вдруг мне захотелось поцеловать длинный нос Иллариона.

— Дядюшка Илларион, дорогой мой, ты лучше всех на свете! Если б ты знал, как я тебя люблю! У тебя длинный нос и доброе сердце. Если бы не ты, мне б вообще незачем жить на этом свете. Поверь мне, дядюшка Илларион! Дай-ка я тебя поцелую!

— Ну, говоря откровенно, Зурико, дорогой, другого такого мальчика, как ты, и свет не рожал! Это пустяки, что я старше тебя на тридцать лет! Был я твоим ровесником! Был. Будешь ты моим ровесником! Будешь. Спрашивается, какая между нами разница? Никакой. Разве имеет значение, у кого больше волос на голове? Не имеет. Мы друзья! А потому — выпьем...

...Средь друзей хожу печальный, Я, Симона, эх, Долидзе... — затянул я песню.

— Как это — «печальный»? Что тебя печалит, дорогой? В школе обижают, да? Так вот, запомни моё слово — спалю я вашу проклятую школу! Или, может, враг у тебя завёлся? Ты только скажи мне, кто он!

И Илларион потряс ружьём.

— Давай, пли, Илларион! Пусть узнает весь мир, арго мы — это мы! Ау-у-у!..

Илларион спустил оба курка, ружьё громыгнуло. Эхо, словно пташка в клетке, долго бросалось от горы к горе, потом, найдя выход, выпорхнуло и умчалось куда-то...

...Я проснулся от холода, протёр глаза и огляделся. По-видимому, Мурада давно закончил завтрак, убрал всё со стола и куда-то ушёл...

Я разбудил Иллариона.

— Не стой над головой, точно стражник! — огрызнулся он. — И убери, ради бога, ружьё, ещё выстрелишь, чего доброго, тогда берегись, расквашу твой дурацкий нос!

— Пройдусь немного, может, зайца встречу...

— Иди, иди... будешь стрелять — не забудь закрыть левый глаз! — крикнул мне вдогонку Илларион.

Не успел я сделать и десятка шагов, как услышал отчаянную ругань Иллариона:

— Вай, чтоб ты околела, паршивая! Дерьмо ты, а не собака! Лаять, что ли, тебе лень, ублюдок несчастный?!

— Что случилось, Илларион? — подбежал я с ружьем наготове.

— Вот, полюбуйся, пожалуйста, — сказал он, протягивая ладонь. На ней чернело несколько зёрнышек заячьего помёта.

— Совсем ещё тёплые, понимаешь? — простонал Илларион и стал

яростно давить пальцем зёрнышки. — Заяц только что был здесь, а твой проклятый пёс и не учуял его!

— Где ты их подобрал?

— Да говорю же тебе, вот тут, рядом, в двух шагах! Ну-ка, живо, заходи сверху, а я подкараулю здесь! Заяц не мог уйти далеко!

Я взвёл курок и медленно двинулся вверх по косогору. Вскоре я увидел общипанные побеги сои и заячьи следы. Они вели к большому кусту орешника. Я несколько раз обошёл куст, потом сильно пнул его ногой. Вдруг из куста выскочил заяц — настоящий заяц, длинноухий, косой, с белой полоской на спине.

— Держи! — взвизгнул я, словно ошпаренный, и выстрелил.

Заяц, смешно пригнув уши, стрелой помчался вниз.

— Илларион, не упускай его! — орал я.

— Я здесь, не бойся!

На минуту воцарилась гробовая тишина. Затем я услышал щёлканье курка, потом Илларион громко сплюнул, потом что-то плюхнулось, раздались проклятия, стоны, вздохи и потом вдруг:

— Держи, держи, Зурикела, он бежит к тебе!

Я присел и вскинул ружьё... Неожиданно где-то внизу бабахнул выстрел, другой, и в тот же миг раздался душевраздирающий собачий визг. В глазах у меня потемнело, ноги подкосились, и я без звука опустился на землю...

— Мурада, дорогой, взгляни на меня! — Я поцеловал своего верного пса и горько зарыдал.

— Не плачь, сынок, возьми себя в руки, — сказал Илларион, смахивая слезу.

Мурада приоткрыл глаза и взглянул на нас. Плакали все трое — я, Илларион и Мурада.

— Тебе больно, Мурада?

«Очень», — вздохнул бедный пес.

— Эх, почему у меня не отсохнут руки и не ослепнут глаза! — воскликнул Илларион.

«Ладно уж, Илларион, не убивайся... Не нарочно ведь — спяна... Кроме того, знаю же я нрав твоего ружья — из него выстрелишь во врага, угодишь в друга... Помнишь, точно так же ты подстрелил свою собаку... Так что не стоит сокрушаться... Я на тебя не в обиде... Одно досадно: Ефросинэ будет рада! А впрочем, бог с ней, пусть радуется...» Сказав всё это про себя, Мурада ласково потёрся мордой о колено Иллариона.

— И он должен псом называться, а Илико — человеком! Где же тут справедливость! — вздохнул Илларион.

— Мурада, крепись, дружище! Потерпи немного! — нагнулся я к Мураде.

«Ну, нет, брат, плохи мои дела... Как это у вас говорится? “Заживёт, как на собаке”! А я вот умираю... Умираю, Зурикела...»

— Крепись, крепись, Мурада. Будь до конца мужественной собакой, — упрашивал Илларион.

«Вам, людям, горя мало: умрёте — похоронят, оплачут. А кто нас хоронит? Никто. Если и зароят нашего брата, опять-таки потому, чтобы трупы наши не воняли...» По телу Мурады пробежала дрожь.

— Илларион, на помощь, Мурада умирает! — закричал я.

«Прощайте...» — Мурада в последний раз взглянул на меня, закрыл глаза и застыл.

— Кончился, чтоб отсохли мои руки, — тихо произнёс Илларион и вытер рукавом слёзы...

...Вопли и причитания бабушки всполошили всё село.

Примчались перепуганные соседи. Узнав, в чём дело, они возмутились:

— Вы что, люди, с ума посходили? Слыханное ли дело — поднимать такой шум из-за дохлого пса?! Что за ненормальная семья!

И разошлись...

Илларион весь день ходил, словно убийца перед казнью. Под вечер он позвал меня и сказал:

— Должны похоронить. Вон там, под чинарой!

Вдвоём мы выкопали яму и торжественно предали земле останки нашего погибшего друга. Потом я выпросил у бабушки кувшин вина, и мы справили на могиле Мурады поминки. Первый тост произнёс Илларион.

— Зурико, сынок мой, — начал он, — безутешное горе привело нас сегодня сюда, к этой могиле, Из наших рядов ушёл наш любимый друг и товарищ Мурада. Он всегда был верен нам, как собака, и если на том свете существует собачий рай, то врата его открыты для Мурады. Светлая память о нём всегда будет жить в наших сердцах. За упокой души Мурады! Выпьем!

— Благодарю тебя, Илларион. Выпьем!

— Вторым стаканом я хочу выпить за здоровье близких и родственников покойного. Желаю тебе счастья, благополучия, и чтобы это горе было последним в твоей семье!

— Спасибо, Илларион!

Во двор воровато прокралась чёрная собака. Она несколько раз обошла могилку Мурады, потом уселась поодаль и жалобно завывала.

— Плакальщики пришли, — сказал Илларион.

— Это собака Симона-мельника, мать Мурады, — сказал я.

— Господи помилуй! Поди сюда, собака!

Собака приблизилась к Иллариону. Он бросил ей кусочек мяса. Собака отвернулась и легла на землю.

— Собака, а ведь тоже чувствует! — сказал я.

— За родителей Мурады! Будь здорова, собака!

Это я, окаянный, взял грех на душу! — сказал Илларион и выпил. Выпил и я. Во двор по очереди, одна за другой, вошли ещё четыре собаки.

— Гляди, вот собака Асало... Эта — Датико... Вон та — Деспинэ... Эта — Маки... А где же головастый пёс Матрены? Почему он не пришёл? — спросил Илларион.

— Он был в ссоре с Мурадой. В прошлом году я стравил их, и Мурада больно его искоусал, — ответил я.

— И он решил сейчас свести счёты? Плевал я на такую собаку! Нет у неё ни чести, ни совести! Тьфу!

— Хозяин! — послышалось у калитки.

— Кто там?

— Можно к вам?

— Пожалуйста!

Во двор вошёл семилетний мальчуган — сын Махаре Гогичайшвили.

— В чём дело, сынок? — спросил Илларион.

— Телеграмма на ваше имя!

— Покажи!

Мальчик протянул телеграмму. Илларион не спеша достал из кармана очки, тщательно протёр их платком, водрузил на нос и начал читать.

«Молния. Зурикеле-собачнику и Иллариону Носатому. Примите моё глубокое соболезнование по поводу трагической гибели дорогого Мурады. Вместе с вами горько оплакиваю эту утрату. Горе моё безгранично, не знаю, переживу ли. Скорблю, что не могу присутствовать лично. Не знаю, как утешить вас. Будь вы неладны оба, горе-охотники, олухи царя небесного! Когда ещё раз соберётесь устроить охоту на собак, непременно захватите меня с собой. Целую обоих в лоб.

Ваш скорбящий друг».

— Без подписи! — сказал Илларион. — От кого бы это, а? Поди сюда, сынок, — обратился он к Мальчику. — Иди, иди, не бойся! Мальчик подошёл. Илларион так схватил его за ухо, что мальчишка завопил, как гудок чайной фабрики.

— Говори, кто дал телеграмму?

— Не скажу, убьёт!

— Не скажешь? Тогда я убью тебя! Выбирай! — сказал Илларион, и гудок завыл с новой силой.

— Илико Чигогидзе дал три рубля, велел отнести телеграмму и молчать, не то язык вырвет.

— Илико, говоришь?

— Илико.

Илларион отпустил мальчика и кулаком ударил себя в грудь:

— Ну, погоди же, кривой чёрт! Ты у меня ещё попляшешь! ..

Мне искренне стало жаль Илико.

Наступила ночь, обыкновенная сельская ночь. И всё вокруг было мирно и спокойно, словно в тот день никто в нашей семье не умирал...

СТОРОЖ

Как-то я возвращался из школы сокращённым путём, через чайные плантации. Созревшая изабелла лукаво поглядывала на меня сквозь листву деревьев. Я не выдержал, повесил сумку на сук и мигом очутился на самой верхушке дерева. Виноград оказался изумительным! Горожане почему-то говорят, что изабелла отдаёт клопами. Не берусь судить — клопов я никогда не пробовал, но если это действительно так, то bravo клопам! Сперва я глотал виноградины целиком; насытившись, стал есть медленнее, смакуя и выплёвывая кожуру.

— Эй, кто там на дереве? Кто это расхищает колхозное добро?! — раздался вдруг грозный окрик.

От неожиданности я чуть не свалился с дерева, но вовремя схватился за ветку и затаил дыхание.

— Кому говорят? Оглох ты, что ли?!

Я поглядел вниз. Под деревом стоял Илико — в соломенной широкополой шляпе, с перекинутой через плечо верёвкой и топором за поясом. Тут же рядом тощая коза, смешно шевеля губами, подбирала виноградную кожуру.

— Ты что, не слышишь меняй А?! Говори, кто ты такой? Кто дал тебе право распорядиться колхозным виногра-

дом? Нечистая сила ты, что ли? Отвечай сейчас же!

— ДЬЯВОЛ я, ДЬЯВОЛ!

— Будь ты трижды дьявол, всё равно должен знать, что колхозная плантация — это тебе не райский сад, чтоб каждый голодный сукин сын и проходимец обжирался тут виноградом!

Спускайся вниз, не то живо стрягну тебя оттуда!

— Поднимись сюда, здесь поговорим!

— Сойди вниз, говорят тебе!

— Не сойду!

— Не сойдёшь?

— И не подумаю!

— Ну и сиди, пожалуйста, посмотрим, сколько ты выдержишь!

А мне спешить некуда! — сказал Илико и уселся под деревом.

Я продолжал спокойно уплетать виноград. Прошёл час.

Наконец Илико не выдержал и окликнул меня:

— Чёрт проклятый, что ты там делаешь?

— Гнездо себе вью! — ответил я.

— По-хорошему тебе говорю: спустись вниз и добровольно следуй за мной в контору!

— Подожди, пока поем!

— Да ты человек или давиляня? Спускайся немедленно!

— Не спущусь!

— Значит, не подчиняешься власти?

— Нет!

— Хорошо. Тогда вот тебе верёвка, вот топор, иди и сам сторожи!

— Что ты пристал ко мне! Вот человек! Иди своей дорогой и оставь меня в покое!

— Последний раз предупреждаю: сойди с дерева! Иначе позову людей!

Тут только Илико заметил на суку свою сумку.

— Ага! Сейчас-то ты никуда не денешься. Узнаю ведь, кто ты такой!

Илико устроился поудобнее, взял сумку за углы и одним рывком вытряхнул на землю всё содержимое.

— «Декамерон»... — прочёл он и отложил книгу в сторону. — «Как закалялась сталь»... «Один среди людоедов»... «Тристан и Изольда»... «Витязь в тигровой шкуре»... Да кто ты такой в конце концов, чёртов сын?!

Да где ты учишься, в какой школе, что ни тетради, ни карандаша у тебя нет! — обозлился совсем потерявший надежду Илико.

— Это я, Зурикела, дядя Илико!

— О-о-о, чтоб тебя разорвало, прохвост ты этакий! Ну и извёл же ты меня, подлец! Скатывайся сейчас же вниз да захвати с собой пару гроздей!

Я тотчас же спустился с дерева и крепко обнял Илико.

— Как живёшь, дядя Илико?

— Он ещё спрашивает, бесстыдник! Целый час морочил мне голову! И всё теперь пошло насмарку!

— Как — насмарку? — не понял я.

— А так... Вот уже полгода, как я работаю полевым сторожем. Знаешь ведь об этом?

— Знаю, конечно. Ну и что?

— Дали мне, значит, коня... Не конь, а дьявол! Прошлый раз забралась на поле корова хромого Сипито... Я — с коня долой и — цап корову за хвост!.. Оглядываюсь, где конь?! Погнался за конём, еле поймал, проклятого, оборачиваюсь — где же корова?!

Отпустил коня, погнался за коровой, поймал её, а коня нет!

Оставил корову, стал ловить коня, а тут корова пропала. Короче говоря, бегал целый день с высунутым языком от

коровы к коню, пока оба не сбежали. А вчера на общем собрании получил нагоняй от председателя: или, говорит, выполняй свои функции добросовестно, или, говорит, сниму с поста...

— А я тут при чём?

— При том! Увидел я вора на дереве и подумал: спасся!

Поймаю сейчас его, отведу в контору, и пусть потом посмеет председатель говорить: Илико, мол, плохо работает! А сейчас что буду делать, просто не знаю!

— Доставь в контору меня!

— Ты что, ошалел? Хочешь, чтоб твоя бабушка выколола мне последний глаз?!

— А что будешь делать?

— Отведу председателю козу. Пусть делает с ней, что хочет!

— А коза-то чья?

— Как это чья? Моя! Ты что, первый раз её видишь?

— Но ведь она носила бороду?

— Носила. А теперь я её остриг.

— Почему?

— Чтоб не узнали. Иначе нехорошо получится — сторож ловит собственную козу!

— А дальше?

— Ничего. Всё равно в ней никакого проку. Её хоть молоком пои, она доиться не станет... И на мясо она не годится — одна кожа да кости. От неё мне только убыток.

— А вдруг узнают?

— Куда там! Мне самому и то не верится, что это моя коза... Ну, будь здоров, сынок! Спасибо за виноград, а то глотка совсем пересохла!

— До свидания, Илико!

— Смотри, Зурикела, дорогой, не проболтайся Иллариону, погубит меня, — попросил Илико.

— Не бойся, Илико!

...Спустя месяц в награду за хорошую работу Илико получил от правления колхоза заметно пополневшую козу...

НОДАР ВЛАДИМИРОВИЧ ДУМБАДЗЕ

ГРУЗИНСКИЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ (1928–1984)

Родился 14 июля 1928 в Тбилиси. Детские годы были омрачены политическими событиями 1930-х, затем — войной. Родители были арестованы в 1937 (отец был секретарём райкома), и для маленького мальчика началась тяжёлая жизнь сына «врагов народа» (родители были реабилитированы лишь в 1956). Рос в Западной Грузии, в деревне Хидистави, у родственников. Окончив школу в деревне, поступил на экономический факультет Тбилисского государственного университета (в те годы носивший имя И. В. Сталина).

Первые стихи были опубликованы в 1950 в университетском альманахе «Первый луч». В 1956–1957 вышли в свет три книги юмористических рассказов, сразу привлёкших к нему внимание, но настоящую славу и признание принёс роман «Я, бабушка, Илико и Илларион», вышедший в 1960 году. За детскими стихами и сборником рассказов (1960–1962) последовали романы и повести, прочно утвердившие за Нодаром Думбадзе славу одного из выдающихся прозаиков своего времени: «Я вижу солнце» (1962), «Солнечная ночь» (1967), «Не бойся, мама» (1971), «Белые

флаги» (1973), «Закон вечности» (1978). Все эти романы и множество рассказов выдержали десятки изданий.

Жизненные невзгоды, потеря многих близких, в том числе и маленького сына, тяжёлая болезнь не смогли сломить духа писателя. Всегда благожелательный к людям, мягкий, отзывчивый к чужой беде, он мужественно встретил смерть 14 сентября 1984 в Тбилиси. Похоронен в основанном по его инициативе в Тбилиси детском городке «Мзиури» («Солнечный»).

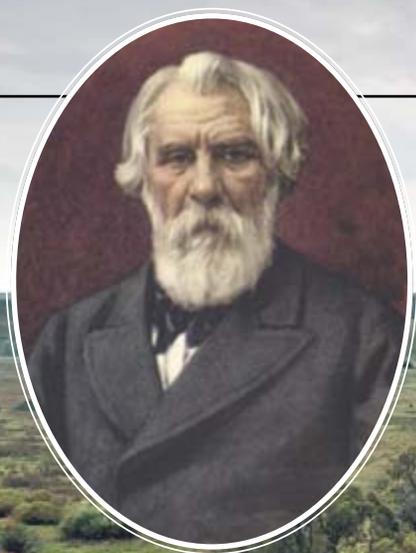
Ставший популярным в начале писательской карьеры, Думбадзе остаётся одним из самых

читаемых современных писателей в Грузии. Хорошо известен и за её пределами. Его произведения переведены на русский, украинский, молдавский, азербайджанский, польский, японский, турецкий, арабский языки.

Роман Нодара Думбадзе о жизни Зурико — мальчика из обыкновенного грузинского села. Действие происходит в предвоенной Грузии, где Зурико учится в школе, впервые влюбляется, провожает на войну односельчан и встречает Победу. Зурико заканчивает школу и едет учиться в Тбилиси, но после учёбы возвращается в своё село, к первой любви и друзьям.

Нико Пиросмани. «Пикник»

И. С. Тургенев

Бежин луг

Плотное в движении Симферопольское шоссе торопливо бежит вдаль, оставляя за собой раздольные луга и поля, большие и малые реки, города и деревни, приютившиеся по обе стороны протяжённой трассы. Но есть за городом Чернь Тульской области, что, в сущности, недалеко от Спасского, приметный поворот — дорога резко уходит вправо через деревеньку Медвежку, беря направление на Ержино. На пути всё те же луга и поля, перемежающиеся перелесками в цветущей некоси разнотравья, уходящие вдаль безбрежным холмистым простором. Пронесаясь в дорожных торопях, увлекаемые путём-дорогой машины. Но есть на этом пути одно место, где нельзя не остановиться, не обратить внимания, не выйти и не окинуть взором распластавшийся простор. И стела на обочине дороги тому напоминание. Остановись! Не простой луг проезжаешь-проходишь. И имя сему лугу... Бежин.

Наверное, нет таких, кому было бы неведомо это название. При его упоминании как-то само собой, невольно, память уводит в школьные годы, к открытой книге Тургенева «Записки охотника», где рассказ «Бежин луг» занимает главенствующее положение. «...Охо-

тился я однажды за тетеревами в Чернском уезде Тульской губернии... Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли... Я все шёл и уже собрался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесённую ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собой огромную равнину...»

Бежин луг и сегодня открывается просторной равниной, уходящей вдаль. Он необычен всем — и «огромной равниной», и «холмом... спускавшимся... почти отвесным обрывом, и... теснящейся под раскидистыми прибрежными ветлами «широкой речкой» Снежетью. Сюда, на высокий холм Бежина луга, в сумраке позднего июльского вечера и вышел Тургенев, утомлённый в охотничьем дне. И как бы зная, остановился ли на привале Бежина луга Иван Сергеевич, коли не завидел бы тогда огонька ночного... ведь от Бежина луга до родового отцовского имени — села Тургенево «рукой подать».

Бежин луг — это простор, манящий вдаль.

Продолжение см. на стр. 21.

Художник,
скульптор и медальер граф

Фёдор ТОЛСТОЙ

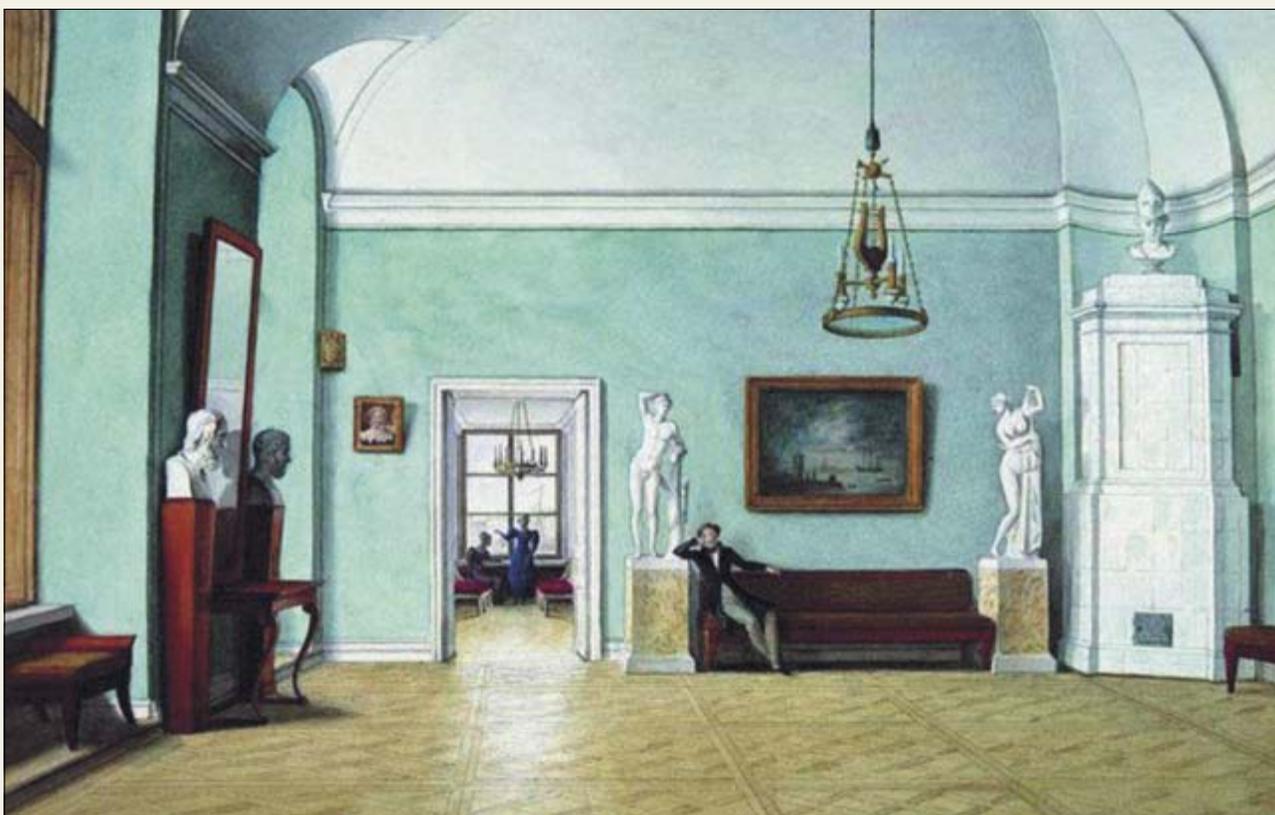
В истории русского искусства XIX века Фёдор Петрович Толстой (1783–1873) предстаёт фигурой необычайной широты интересов и дарований. Скульптор и график, медальер и мастер силуэтов, талантливый живописец и писатель, пробовавший свои силы в создании театральных (балетных) костюмов, в изготовлении мебели и даже в астрономии, он прожил удивительно гармоничную и долгую жизнь.

Граф Ф. П. Толстой родился в Санкт-Петербурге в семье начальника Кригскомиссариата генерал-майора графа П. А. Толстого. Он происходил из знатного рода, и по обычаям того времени с рождения был записан сержантом в Преображенский полк. Первоначальное образование Фёдор получил в родительском доме, очень рано проявив любовь и необыкновенную способность к рисованию. Однако родители, мечтая видеть сына военным, отдали мальчика для продолжения образования в Полоцкий Иезуитский коллегиум, затем в Морской кадетский корпус, где в мае 1800 года он был произведён в гардемарины.

В 1804 году он подаёт в отставку и поступает учиться в Академию художеств. Одним из первых его учителей был О. А. Кипренский — лучший рисовальщик России тех лет. За годы пребывания в Академии им создана серия рисунков на темы мифологии и римской истории. Художник на-

С. К. Зарянко. «Портрет художника и скульптора Ф. И. Толстого, вице-президента Академии художеств». Ок. 1850 г.

«В комнатах». 1832 г.

«Душенька любит себя в зеркало». Иллюстрация к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька». 1825 г.

чинает заниматься медальерным делом — и это сам Толстой считал для себя главным. В 1809 году он создал свою первую медаль «В память просветительной деятельности Чацкого». В том же году 26-летний Ф. П. Толстой был избран по-

чётным членом Академии художеств, что было небывалым событием в силу его возраста.

Усердная работа в академических классах и изучение литературы и истории быстро развили дарование молодого художника, так что уже в 1806

году он обратил на себя внимание императора Александра I, который определил его на службу в Эрмитаж, а в 1810 году художник получил назначение в Петербургский монетный двор в качестве медальера. Медальерное искусство в России находилось тогда в упадке, и именно Толстой способствовал его возрождению, сосредоточив в одном лице функции художника и резчика.

Главное создание Толстого в этой области — серия медалей

«Ветка малины, бабочка и муравей»

Народное ополчение 1812 года. Медальон, воск. 1816 г.

«Семейный портрет». Ф. П. Толстой с первой женой и дочерьми Елизаветой и Марией. 1830 г.

на тему событий Отечественной войны 1812–1814 годов. Эту работу художник начал, руководствуясь патриотическими побуждениями. Специально созданный Комитет утвердил эскизы, по которым в течение более чем двадцати лет (1814–1836) была создана двадцать одна медаль. Классицизм Толстого выявился в этих работах во всей стилистической чистоте, он как нельзя более отвечал задаче прославления русского воинства. Со-

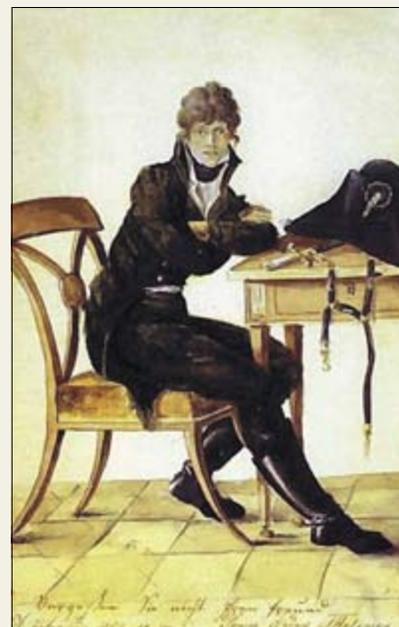
держание каждого медальона — даже решённого аллегорически — ясно читается, композиции отличаются лаконизмом.

Основная часть творческого наследия Толстого несёт на себе отпечаток осмысления античности. Античный мир присутствует в работах художника как идеальная норма, как «золотой век» в эстетическом и этическом отношении. С ним связаны скульптурная деятельность Толстого (восковые барельефы на сюжеты «Одиссеи» Гомера), графическая — рисунки 20-х годов на темы римской истории и мифологии, иллюстрации к стихотворениям Н. Щербины (1856—1857) и особенно составившие славу художника иллюстрации к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» (1820—1833). Одна их лучших — сцена, где Душенька любит себя в зеркале. В пространстве дворцовых покоев (орнаменты, вазы и

колонны выдают глубокое знакомство Толстого с реалиями греческого быта) фигура героини, троекратно отражённая в зеркалах, кажется ожившей статуей. Иллюстрации к «Душеньке» относятся к лучшим созданиям Толстого.

Бой при Малом Ярославце в 1812 году.
Барельеф

Автопортрет. 1804 г.

Франиенсбад. С дороги в Егер

Его искусство—это поиски красоты в мире, красоты, доступной человеку. Так появляется серия натюрмортов, где главное—любовь к вещи, желание представить её во всей достоверности («Букет цветов, бабочка и птичка», 1820). Натюрморты эти включают элемент игры со зрителем: хочется прогнать с листа нарисованную муху («Клубника», 1818), приподнять кальку над рисунком («Архитектурный пейзаж под прозрачной бумагой», 1837). Элемент игры присутствует и в силуэтах Толстого. Это искусство, которым художник занимался между делом, для отдыха, было выведено им из кризиса и поднято на небывалую до тех пор высоту. В XVIII веке в технике силуэта исполнялись только портреты. Толстой впервые начинает обращаться к созданию многофигурных композиций на темы исторические, военные, бытовые. Ювелирная тщательность исполнения выдает столь характерное для художника внимание к деталям, восхищение красотой во всех её проявлениях.

Та же радость непосредственного общения с миром — в интерьерных полотнах Толстого, близких работам Венецианова и его учеников.

В 1825 году Ф. П. Толстой начал работать преподавателем в медальерном классе Академии художеств, а уже через три года был назначен её вице-президентом. В 1842 году он был возведён в звание профессора медальерного искусства, а через год — и в звание профессора скульптуры.

Помимо медальонов и барельефов, Ф. П. Толстой создал несколько скульптур: «Голова Морфея в венке из люпинов», 1822; «Бюст Николая I» в славянских доспехах и царской порфире, 1839; «Голова Христа», 1848. Важнейшим произ-

ведением графа Толстого можно назвать четыре главные и восемь побочных входных дверей храма Христа Спасителя в Москве, с орнаментами и колоссальными круглыми фигурами и бюстами различных святых, а кроме того — статую «Нимфа, льющая воду из кувшина» в дворцовом парке в Петергофе.

Были у Ф. П. Толстого и способности к литературе — вещь естественная для образованного человека XIX столетия. С 1818 года Ф. П. Толстой являлся почётным членом Вольного общества любителей российской словесности.

Уже немолодым человеком, в 1838 году граф сочинил балет «Эолова арфа», написал к нему либретто и даже был постановщиком некоторых танцев.

Граф Толстой умер в возрасте 90 лет, оставив огромное и поражающее разносторонностью художественное наследие, сумев сказать новое слово почти в каждой области, которой занимался. Его произведения, созданные более ста лет назад, живут и в наше время, радуя зрителей замечательным мастерством.

«Птичка в кольце»

Храм Спаса Преображения

На бреющем полете, заходя на круг, распластав крылья, кружил над лугом полевой лунь. Вот он, видимо, что-то увидел, и полёт его резко замедлился, а вскоре он и вовсе пропал из виду, спустившись на землю. Стайка разноцветных щеглов прилепилась к высокому кусту репейника, что вырос у дороги. Едва слышны звуки дальней деревни. Где-то у реки несколько раз проскрипел коростель да в перелеске, тянувшемся с косогора, разъерепенилась в бестолковой стрекотне пара сорок. Луг отдыхал.

Тургеневский дуб

Кучерская и канюшня

Не прошли по его равнине росными утренниками косцы, заставляя травцу поклон земле отбить; обошла его стороной и техника, не тронув острым плугом черноземье. Как и тогда, в тургеневскую пору, бежит по лугу вдаль река Снежить, завлекая на свои берега путников окунуться в свои воды в полуденный летний зной.

Бежин луг. Находясь на его просторе, мне отчётливо подумалось, что если прийти сюда поздним вечером, когда утихнет жара и ночная мгла начнёт опускаться на землю, то, обязательно вступив на холм, увидишь «возле реки» огоньки дальнего костра ночного, и захочется спуститься вниз по «отвесному обрыву» и скоротать ночь у костра, «вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи» под ровное потрескивание разыгравшегося пламени.

* * *

Не иначе как «милое Спасское» называл Иван Сергеевич свою орловскую усадьбу — Спасское-Лутовиново, которое было для него центром «деревенской» жизни. Но мир, окружавший Тургенева, никак не ограничивался лишь «дворянским гнездом». Окрестности Спасского-Лутовинова восторгали Ивана Сергеевича. «Кругом Россия — родной край» — в этой тургеневской фразе значит много, а главное — искренняя любовь к России.

Спасское-Лутовиново, Тургенево, Медвежка... Бежин луг с рекой Снежить и многие-многие другие местечки тульско-орловской земли, это всё звенья одной цепи — тургеневской.

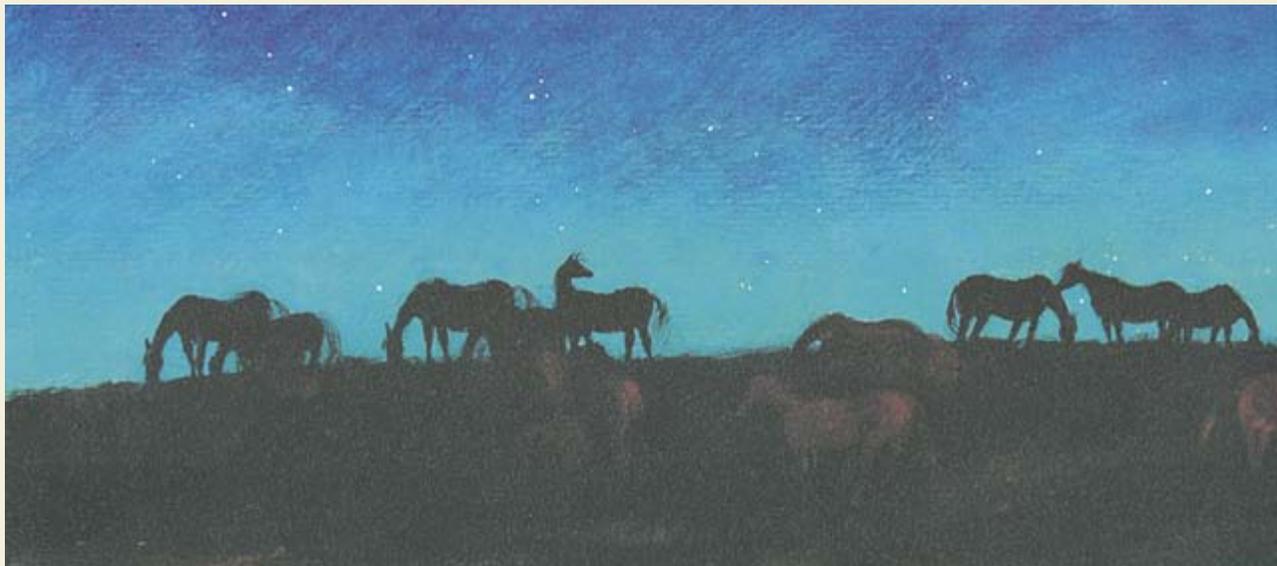

Иван Сергеевич Тургенев

Бежин луг

Художник Н. Устинов

Фрагмент

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой.

Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сетется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взшло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силён, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не почувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде, Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца,

час и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

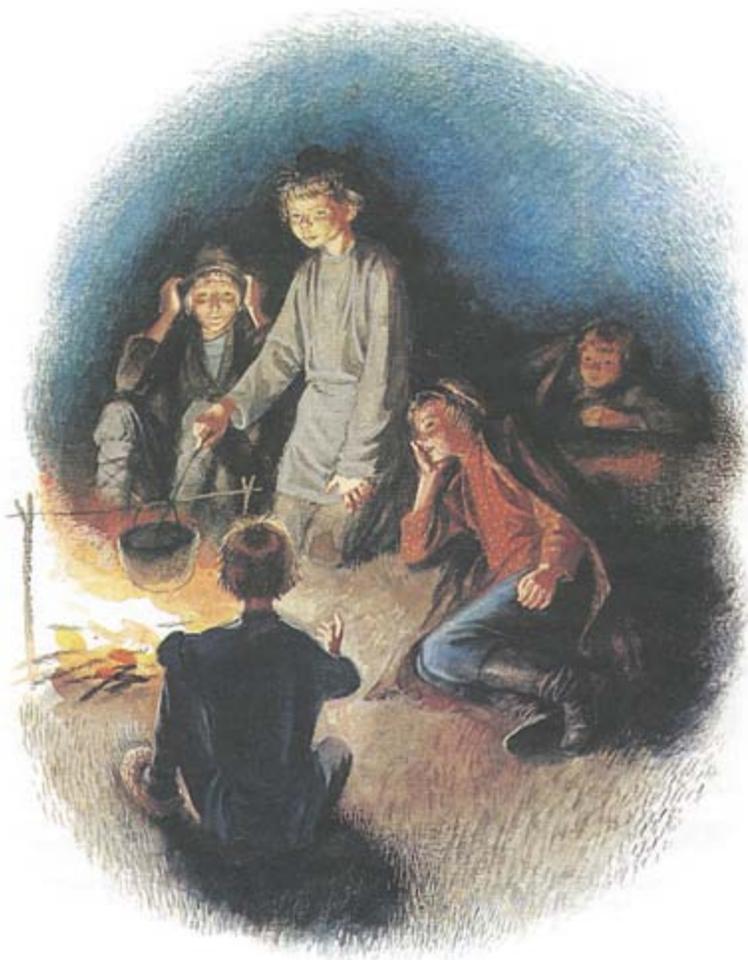
Я добрался наконец до угла леса, но там не было никакой дороги: какие-то некошеные, низкие кусты широко растелились передо мною, а за ними, далеко-далеко, виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за

начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился наконец вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне не известные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! — подумал я, — да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в свое гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сей-

притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты! — воскликнул я наконец, — точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашел? Так далеко?.. Странно!» Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошел вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозная туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попала какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, — одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрёл по полю межой. Уже я с трудом различал отдалённые предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева

ночи. Звёздочки замелькали, зашевелились на нём.

Что я было принял за рощу, оказалось тёмным и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую жёлтопегую собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне её торчало стоймя несколько больших, белых камней, — казалось, они сползли туда для тайного совещания, — и до того в ней было нemo и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я всё

ещё не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам — наудалую... Около получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков, дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

По-настоящему я влюбился в пионерском лагере.

Я смотрел только на неё — Таню. Стояла ли она на утренней линейке, играла ли в волейбол, или сидела за ужином в столовой — глаза моментально выхватывали её.

Я ни разу с ней не разговаривал. Вокруг неё всегда крутились ребята из первого отряда. В габардиновых кепочках. Особенно переживал я во время танцев. Ее приглашали чаще всех девочек, шептали что-то на ухо, а она, откинув назад голову, смеялась. И я мечтал: вот также небрежно подойти; поправив кепочку, пригласить на танго и сказать что-нибудь смешное.

Но у меня не было габардиновой кепки, которая считалась тогда особенно модной. Кепки, надо сказать, в те времена были в большом почёте. Их берегли, ими гордились. У кого не было личной кепки, того вообще никто серьёзно не принимал.

И ещё — я не умел танцевать.

Как только вернулся из лагеря, я стал упрашивать маму купить габардиновую кепку. Она долго отнекивалась: зима, мол, скоро, а ему кепку подавай.

Мои приставания, в конце концов, разозлили маму: «Кепку ему купи! Из габардина! Форсун какой нашёлся! Учился бы лучше...» «Ладно, — сказал я. — А если первую четверть окончу без троек — купишь?» «Без троек, — усмехнулась мама. — Две куплю».

Надо сказать, с отметками у меня было неважно. Особенно по алгебре и геометрии. Если не спишу на контрольной — пара.

Сейчас я уже не помню — или кто-то мне подсказал, или я сам до этого додумался... Я взял учебник по алгебре за прошлый год и каждый день стал решать по пять задачек. Они решались легко — знакомые ведь! Потом принялся за новый учебник и тоже стало получаться. В результате перестал дрожать на уроках, и появились первые пятёрки.

А с географией, историей и литературой я разделался по-другому. Я читал заданный урок, подходил к комоду, на котором у нас стояло большое зеркало, и, глядя на себя, рассказывал. Громко и с выражением. Даже соседка заглядывала — с кем это я... А на уроках стал внимательно слушать тех, кого вызывала учительница, и поднимал руку: «Можно добавить?» Изумлённые учителя, привыкшие к моему обычному борматанью, за одни эти добавления ставили мне пятёрки!

Первую четверть я закончил, как и обещал маме, без троек. И мама купила габардиновую кепку. Для неё я специально вбил гвоздь над диваном, на котором спал.

Теперь я учился танцевать.

В роли учителя танцев выступала одна студентка. Старшая сестра моего приятеля Борьки. Я ходил к ней проверять домашние задания, когда нам давали сочинения.

Прихожу я однажды, Нина протянула руку — давай, мол, тетрадь.

— Я за другим... Я это... Научите меня танцевать...

— Танцевать? — изумилась Нина.

— Ну, танцевать... а чего тут такого?

В моей фигуре — я стоял посреди комнаты с опущенной головой — видно было столько смущения, что она тут же спохватилась.

— Ну, конечно, ничего тут такого нет... А какой танец ты хочешь разучить?

— Танго.

Нина завела патефон и поставила пластинку. Под знаменитые в то время «Брызги шампанского» и начались наши уроки.

В следующий раз, когда я в назначенное время пришёл к Нине, я увидел Борьку. Он с недовольным видом сидел на диване.

— Нечего ему на улице болтаться. Пусть тоже учится.

— На фига мне ваши танцы, — бурчал Борька. — Сказал не буду — и не буду.

— Я тебе дам — на фига... Ты смотри, как Вова уже хорошо танцует.

Нина поставила пластинку, всё те же «Брызги шампанского». И мы медленно, кругами вокруг стола, поплыли по комнате. В конце концов Борька сдался. И мы продолжали учиться танцевать уже вдвоём.

— Итак, начинаем. — Нина хлопала в ладоши. — Кавалеры приглашают дам.

Борька был толстым и неповоротливым, и когда он танцевал «за даму», мне приходилось изрядно попотеть.

Я был счастлив: габардиновая кепка есть, танцевать научился.

От ожидания чего-то необыкновенно радостного, у меня даже изменилась походка. Я перестал носиться колбасой, как говорила моя мама, а стал ходить не спеша, довольно поглядывая на вымытые, по случаю весны, чёрно поблескивающие витрины магазинов. Там на мгновение появлялся и исчезал какой-то длинный, незнакомый мне молодой человек с задумчивым видом. Но в моей габардиновой кепке.

Потом в нашем дворе запахло тополем.

Липа цвела, когда я уже был в лагере. Нужно ли говорить о том, как я ждал вечера танцев. И вот этот вечер наступил.

Унимая бившую меня дрожь, я подошёл к ней, Тане. И, наклонив голову, как учила Нина, сказал: «Разрешите вас пригласить».

Я танцевал, не чувствуя ни её, ни себя. Даже не слыша музыки. Я ощущал только удары сердца и старался держать её подальше от себя, чтобы она не услышала их.

Сил на следующий танец у меня уже не было. Я вышел на воздух, вытер вспотевший под кепкой лоб и начал ходить вокруг столовой. Танцы закончились. Вышли ребята, шушукаясь и пересмеиваясь на ходу, выпорхнули девочки. Мне не хотелось идти в корпус. Я медленно брёл по тёмной аллее. В ушах, вернее, в душе всё ещё звучала томительная мелодия танго.

— Володя! Это ты? — меня догнал наш старший пионервожатый Сима. — Ты не возражаешь, если мы немного погуляем вместе?

Тут надо сказать несколько слов о Симе. Худой, в очках, с пышной курчавой шевелюрой, Сима не был нашим кумиром, как, например, физкультурник Володя Шведов, который классно играл в футбол и здорово пел под гитару знакомые студенческие песни. Сима «брал» нас другим — своей вежливостью. Ко всем, даже к ребятам из младших отрядов, он обращался по имени, а не по фамилии. И ещё — он был щедр на похвалы. От его похвал размокали даже отпетые. «Наш очкарик — голова!» — говорили они о Симе.

Так вот, мы шли с Симой по аллее, и я весь был в ожидании. Он, конечно, об-

ратил внимание на мою кепку и на то, как я танцевал. И я не ошибся.

— Слушай, Володя, а где ты раздобыл такую замечательную кепку? Габардиновая?

— Габардиновая! — ответил я как можно солиднее.

— Отличная, шикарная кепка! Да и танцуешь ты великолепно. — И я опять расплылся как блин на сковородке. — Только знаешь, — продолжал тем временем Сима. — Как бы тебе это сказать... только ты не обижайся, пожалуйста... Ты зря берёшь пример с ребят из первого отряда... Ну что за мода такая — танцевать в головных уборах. Тут, понимаешь, сразу два грубых нарушения правил хорошего тона — находишься в помещении и танцуешь...

Я остановился. Как? Танцевать без кепки? О каких таких правилах говорит Сима? Когда всюду, даже на танцплощадках в ЦПКиО имени Горького все танцуют в кепках!

Мои глаза по-прежнему всюду выхватывали её — Таню. Она стала ещё красивее. И ещё радостнее смеялась, откинув назад голову, когда ей что-то говорили ребята из первого отряда. На меня же — ноль внимания. В кепке ли я или без кепки — всё равно. И я перестал ходить на танцы, а кепку вообще спрятал в чемодан.

Своими переживаниями я поделился со своим приятелем Сашкой Кирсановым (наши кровати стояли рядом).

— И ты не обращай на неё внимания, — сказал Сашка. — Ты что, разве не знаешь? — И он с выражением продекламировал: — Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей. — И важно добавил: — Пушкин!

Стихи мне показались подозрительными. И я даже засомневался — пушкинские ли они. Но они мне запомнились. И я до сих пор размышляю над ними.

Н. Крамской.
Портрет
Некрасова.
1877 г.

Отечества достойный сын...

*Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.*

За этими строками — вся жизнь Николая Алексеевича Некрасова, который хорошо, ещё в детстве, узнал, что такое жить в постоянной нужде. Многодетная семья Алексея Сергеевича Некрасова едва сводила концы с концами, и глава семейства вынужден был служить исправником. В поездки свои по Ярославской губернии он брал иногда и детей, и будущий поэт уже тогда не раз наблюдал драматические, а то и трагические сцены жизни простого люда, причиной которых почти всегда была нищета. В те же годы он видел бурлаков, их непосильный труд. Эти впечатления после вылились в строки «гнева и печали» о судьбе русского народа, вынужденного всю жизнь тянуть лямку, чтобы сильные мира сего жили, ни о чём не беспокоясь.

*Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...*

И после, определившись в 1839 году вопреки воле отца на филологический факультет университета (а не в дворянский полк), молодой Некрасов с лихвой хватил нужды и одиночества. Скитаясь по чужим углам, всё свободное время тратил на поиски заработка. Бывало, голодал целыми днями, поневоле освоил и петербургские трущобы. Так что ему не надо было изучать положение простого городского люда, он сам долгое время жил в тех же условиях. «Ровно три года, — рассказывал он впоследствии, — я чувствовал себя постоянно, каждый день го-

лодным. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан на Морской, где позволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе. Возьмешь, бывало, для вида газету, а сам подвинешь себе тарелку с хлебом и ешь».

*Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..*

С тех пор главной задачей Некрасова, и не только как поэта, а в первую очередь как гражданина, стало горячее стремление разбудить в народе его силы, его лучшие качества, пробудить гордость за себя и свою землю, встать на защиту своих интересов, изменить вековое положение вещей, где одним были уготованы нищета и болезни, а другим — безбедное и беззаботное существование за счёт простых людей. Некрасов в своём творчестве поднимает в глазах общества бедный люд — и городской, и деревенский, доказывает, что человек красив своим трудом и достоин совсем другой доли. Это очень ярко проявилось в одном из самых известных произведений — «Железная дорога». Несмотря ни на что, автор верит в будущее России, в то, что народ, наконец, расправит свои плечи и сам выстроит собственное счастье. Эта вера в его духовную и физическую мощь будто вливалась новые силы в читателя, в том числе самого рядового, ставила его в ряды тех, кто готов уже сегодня сражаться за счастье народное. Вот почему во второй половине XIX века не было поэта более популярного и любимого, чем Некрасов. Ибо он сам стал вдохновителем зарождающейся борьбы за светлое будущее самой России и, естественно, новатором в поэзии.

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.*

Таким сыном в глазах народа был и сам Николай Алексеевич. Отсюда огромное уважение к Некрасову как поэту, которое и в наши дни ничуть не утратило своей актуальности. Ибо

борьба за справедливое общество продолжается и сегодня во всём мире и на всех континентах. Свой долг поэта он видел именно в такой борьбе и был единомышленником известных революционных демократов: Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева.

*Нет, ты не Пушкин. Но куда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...*

Одной из самых ярких страниц в его творчестве были образы женщин. В памяти его навсегда осталась жива собственная мать, Александра Андреевна Закревская, получившая в девичестве прекрасное образование, по-светски воспитанная и ставшая женой малообразованного офицера, будущего отца Николая Некрасова. Брак не был счастливым, слишком разными они были. Вдобавок — постоянная нужда, огромная даже по тем временам семья. И не случайно поэт вспоминал о матери как о жертве грубой среды и немилосердных обстоятельств жизни.

Именно женщинам Некрасов посвятил немало стихов. Широко известны такие, как: «В полном разгаре страда деревенская...», знаменитое «Есть женщины в русских селеньях», и «Тройка», ставшая песней («Что ты жадно глядишь на дорогу»), и конечно же дань искреннего восхищения перед гражданским и человеческим подвигом своих героинь стали страницы поэмы «Русские женщины», посвящённые жёнам декабристов, последовавшим в Сибирь за своими мужьями. И тут для поэта нет большой разницы в сословиях, для него главное — душа женщины, готовая на самопожертвование ради любимого, умеющая в трудную минуту стать опорой всей семье.

*...Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,-
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдёт — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублём подарит!»
...Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива.
Ко всякой работе ловка.
...В игре её конный не словит,
В беде не сробеет — спасёт:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт!*

Строки эти давно стали крылатыми, вспоминаются каждый раз, когда заходит разговор о русской женщине — за семейным ли праздничным столом, в большом ли концертном зале...

И конечно же главной творческой задачей Николай Алексеевич считал приближение революции — освободительницы народа от оков вековых господских традиций, когда простые люди считались низким сословием, даже если они и были от природы талантливы. И тут надо подчеркнуть, что наряду с самой острой критикой власть предержащих, с реальными картинами нищеты и беспросветного бесправия, — у Некрасова надо всем этим светилась надежда, вера в творческие силы русского человека, его мудрость и стремление к созиданию.

*...Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!
...Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!
Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка Русь!*

(Из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»)

В этом произведении Некрасов расставил все точки над *i* в жизни современного ему общества, обнажив главную его проблему — социальное неравенство.

Его поэзия чаще всего была голосом самого народа, и Россия не только помнит Николая Алексеевича Некрасова, но и по-прежнему любит его, знает многие строки наизусть, уважает за то, что главным для поэта всегда было страстное желание изменить жизнь простого народа к лучшему.

*Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру, неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...*

(«Элегия»)

Сказки

Разговорчивый хвостик

Маленький Вова гулял с мамой и увидел собачку Жучку. Подошёл к ней и спрашивает:

— Почему, как встречу тебя, ты со мной никогда не разговариваешь? Папа со мной всегда говорит, мама тоже, а ты ни одного слова не произнесла.

Жучка внимательно посмотрела на Вову, ничего не ответила, только хвостик опустила.

— Бедная собачка, ты, наверное, говорить не умеешь, — посочувствовал ей Вова. — Пойдём я тебе в мисочку молока налью.

И тут Жучка хвостик подняла и радостно им завияляла.

— Да ты умеешь говорить только хвостиком, — обрадовался Вова. — Мне ответила: «Спасибо!» — И он погладил собачку, а хвостик у неё заходил из стороны в сторону, как маятник на часах.

— Мамочка! — счастливо воскликнул Вова. — Я узнал, что Жучка умеет разговаривать хвостиком! Но отвечает она только на приятные слова.

— Это для меня удивительное событие, — сказала мама. — Я рада, что собачка такая умная.

В этот день Жучка ходила за Вовой и на каждые его ласковые слова: «Иди, поглажу! Пойдём косточку дам», — она виляла хвостиком.

Пусик, Тузик и Оля

УОли было два друга: Тузик — маленькая пушистая собачка и кукла Пусик, тоже собачка, крохотная из бархата с очень грустными глазами. Он весь день лежал на диване с несчастным видом, наверное, от того, что Оля с Тузиком гуляли, а с ним, Пусиком, нет?!

Тузик, чтобы друг не переживал, часто навещал его и мордашкой к нему прижимался, казалось, он ему что-то говорил, наверное, успокаивал, потому что после этого глаза у Пусика становились веселее.

Однажды Оля вышла во двор, как всегда, с Тузиком. Пусик проводил их грустными глазами, и всем показалось, что у него появилась слёзка из-под реснички.

Однажды Оля пошла по знакомой тропинке, и тут у неё Тузик пропал. Хотела она его кликнуть, а он сам прибежал, встал перед ней, зубами за холку Пусика держит.

— А вот ты где! — возмутилась Оля и хотела Тузика отругать, но увидела ку-

клу с радостными блестящими глазами. Казалось, что она от счастья улыбается. Ругать передумала. Она взяла Путика на руки, прижала к себе и нежно сказала:

— Мой крохотуля.

А Тузик от радости, что его друг не забыт, стал прыгать выше Оли.

С тех пор все друзья: Оля, Тузик и Путик гуляли вместе.

Салочки с дедушкой

Сидит дедушка в кресле весь день. Спина болит, ходить трудно и от этого не встает. И видит, как внуки Петя и Валя играют в салочки и друг друга поймать не могут.

«Я бы непременно догнал кого-нибудь, — подумал он, — если бы не болела спина».

И ему очень захотелось позабавиться в этой игре, как в молодости. Он встал, несмотря на боль, взял тросточку, с которой последнее время не расставался, и сказал:

— Я сейчас вас догоню! — и постучал тросточкой по полу: — Тук! Тук! — и пошёл навстречу внучатам.

Петя и Валя засмеялись и побежали в разные стороны.

«И кого же мне первого догнать?» — размышлял дедушка — и заторопился то к одному, то к другому внуку, но никого не догнал, только сильно устал, ре-

шил передохнуть и постучал опять тросточкой: «Тук! Тук!» — будто сказал: «Всё равно поймаю!» И только он хотел сесть в кресло, а внучата весело говорят:

— Дедушка, ты нас не догнал потому, что тросточка мешала тебе бегать.

Тут дедушка отложил тросточку и без неё сразу поймал Петю и Валю.

Он, конечно, догадался, что внучата специально поддались ему, они хотели его этим порадовать, что он совсем не старенький. Дедушка, довольный, сел в кресло. И заметил, что спина у него перестала болеть от игры в салочки.

Борис и Глеб

Александр Карпов

Святые князья-мученики Борис и Глеб жили тысячу лет назад, во времена Киевской Руси. Они были сыновьями великого князя Киевского Владимира Святославича, крестившего Русскую землю.

Люди прозвали Владимира «Красное Солнышко». Был он храбр и милостив без меры: нищих и немощных одаривал всем необходимым. Велел им приходить на княжеский двор и брать там всё, что вздумается, — и питьё, и еду, и деньги. А для тех, кто не мог ходить, возили съестные припасы на телегах по всему Киеву — так, чтобы все были сыты и веселы.

У князя Владимира было много сыновей; они родились от разных жен. Сыновья жили между собой не дружно. Но Борис и Глеб любили друг друга. Часто так бывало, что Борис читал какую-нибудь книгу — житие святого или ещё что, — а Глеб сидел возле него и внимательно слушал. Князь Владимир любил Бориса больше всех других сыновей своих и во всем доверялся ему. Глеб же был тогда ещё мал.

Своих сыновей Владимир направлял в разные города Русской

Борис и Глеб. Икона. Московская школа. XIV век

земли, чтобы они правили ими и во всём исполняли его волю. Так Борис отправился в город Ростов, а Глеб — в Муром. В этих городах жило тогда много язычников, и братья старались обратить их в христианскую веру. Глеба, например, муромские язычники даже не пустили жить в свой город, и князю пришлось поселиться в пригороде.

Когда князь Владимир тяжело заболел, он призвал к себе Бориса. Борис приехал в Киев и остался рядом с отцом. В это время на Русь напали враги — печенеги. Они жили в степях и часто грабили Русскую землю. Владимир из-за своей болезни уже не мог сесть на коня и отправиться в поход. Поэтому он послал против печенегов Бориса и поручил ему своё войско, дружину. Печенеги прослышали о том, что войско Владимира выступает против них, и ушли восвояси.

Вскоре после отъезда Бориса Владимир умер. Смерть его случилась не в Киеве, а в княжеском селе — Берестовом, находившемся недалеко от города. В Киев приехал старший сын Владимира — Святополк, которого люди позже прозвали Окаянным. Он захотел скрыть от всех смерть своего отца. Ночью по его приказу в княжеском тереме разобрали помост. Тело Владимира завернули в ковёр и спустили по верёвкам на землю. Затем его отвезли в Киев, в церковь Пресвятой Богородицы.

Киевляне всё же узнали о смерти своего князя, и бесчисленное множество людей собралось у церкви. И стали по нему плакать все — и бояре, и убогие, потому что был он всем заступником и кормильцем. И положили тело блаженного князя в мраморный гроб и, с плачем, похоронили в той церкви.

В Киеве начал княжить Святополк Окаянный. И начал он людей одаривать — кого одеждami, кого деньгами. И много добра раздарил. Киевляне же сердцем были не с ним, но с братом его Борисом, с которым ушли против печенегов братья их — дружина Владимира.

В это время Борис, не найдя нигде печенегов, повернул обратно к Киеву. И тут пришла к нему весть о смерти отца его. Горько заплакал тогда Борис. Дружина же сказала ему:

— Иди княжить в Киев, а Святополка прогони. Ведь мы с тобою — дружина отца твоего!

Отвечал им Борис:

— Не подниму руки на брата моего старшего. Если отец мой умер, пусть будет мне Святополк вместо отца.

Услышав это, воины разошлись от Бориса. И остался он один, лишь с отроками¹ своими, на берегу реки Альты.

Святополк же стал думать о том, как погубить брата своего. Ещё раньше он послал к Борису с такими словами:

— Брат! Хочу в любви с тобой жить. Будешь владеть всем, что отец тебе дал, и даже ещё большим.

Но говорил он так, желая обмануть Бориса. Сам же ночью, тайно от всех, пришёл в город Вышгород, что был недалеко от Киева, позвал бояр вышгородских, Путшу, Тальца, Еловита и других и спросил их:

— Всея ли душою верны мне?

Те отвечали:

— Готовы за тебя головы сложить.

Тогда повелел им Святополк, не говоря никому ни слова, отправляться в путь и тайно убить Бориса. И обещали ему бояре вышгородские всё исполнить.

Пришли они ночью на берег реки Альты и подошли к шатру Бориса. Борис же к тому времени узнал о том, что хотят убить его. И молился Борис в шатре своем, обращаясь к Богу:

— Господи, Боже мой! На Тебя уповаю, спаси меня! Пускай я приму муку и смерть от брата своего!

И, окончив молитву, лёг Борис на постель свою.

Тут ворвались в шатер посланные Святополком, словно дикие звери, и пронзили копьём Бориса. Тогда же убили они и слугу его, отрока Георгия, который, защищая, прикрывал князя своим телом. Этот Георгий был родом из венгров. Борис очень любил его. На шее у Георгия висела золотая гривна², подаренная ему Борисом. И не смогли убийцы снять гривну с шеи Георгия, и отрубили ему голову. И так сняли гривну, а голову отбросили в сторону.

¹ О т р о к — здесь: княжеский слуга.

² Г р и в н а — серебряный слиток, вид древнерусских денег. Но так же называлось и украшение в виде полукольца из серебра или золота, которое носили на шее.

И многих других слуг Борисовых убили здесь. Потом завернули окаянные убийцы тело Бориса в шатёр, положили на повозку и повезли к Святополку. Борис же ещё был жив. Узнал Святополк об этом и послал двух варягов добить его. Варяги пришли к Борису, один из них достал свой меч и поразил Бориса в самое сердце.

Так скончался блаженный Борис. Тайно привезли его тело в Вышгород и положили в церкви святого Василия.

Убив Бориса, задумал окаянный Святополк убить и другого брата своего, Глеба. Послал он к нему такую обманную весть:

— Поезжай скорее в Киев, к отцу своему. Сильно болен отец твой!

Глеб, не зная о смерти отца, как послушный сын, быстро вскочил на коня и с небольшой дружиной отправился в путь. И вот когда добрался он до Волги, споткнулся конь его в овраге и повредил себе ногу. И было это не к добру. Пришел Глеб к Смоленску и встал невдалеке от города, на Смядыне-реке, в кораблеце.

В это время пришла весть из Киева к брату святых Бориса и Глеба, князю Ярославу, правившему в Новгороде. Его сестра Предслава сообщила ему о смерти отца. Послал Ярослав весть Глебу с такими словами:

— Не езжай в Киев — отец твой умер, а брат твой Борис убит Святополком!

Горько заплакал Глеб об отце, а ещё сильнее — о брате и стал со слезами молиться Богу, так говоря:

— Увы мне, Господи! Лучше бы умереть мне с братом моим, нежели жить на свете этом! Если бы увидел я, о брат мой, лицо твоё ангельское, то умер бы с тобою. Для чего я один остался? Не услышу я слов твоих, обращённых ко мне, о брат мой любимый, не услышу я тихого твоего голоса. Если близок ты к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял такую же мученическую смерть!

И когда молился он так, появились внезапно посланные Святополком убийцы. Захватили они кораблец Глебов и выхватили оружие своё. И пали духом слуги Глебовы.

Понял Глеб, что и его хотят лишить жизни, и так, со слезами, взмолился к убийцам:

— Не трогайте меня, братья мои милые, пощадите меня! Ведь не сделал я никакого зла вам. Сжальтесь над юностью моею! Не срезайте колоса, ещё не поспевшего, не губите лозы, ещё не возросшей! Не убийство будет это, но сырорезание!

Видя же немилосердие их, преклонил колена и, помолившись, сказал:

— Раз уж начали, приступайте и исполните всё, что велено вам.

Тогда один из посланных, окаянный Горясёр, повелел тотчас убить Глеба. И взял нож повар Глебов, по имени Торчин, и зарезал князя, словно ягнёнка безвинного. И так умер Глеб. Тело же его было брошено на берег и так лежало между двумя колодами. А позже взяли люди его тело и похоронили в Вышгороде, в церкви святого Василия, возле тела брата его Бориса. И так соединились телами два святых мученика, как прежде соединились на небе души их.

Окаянные же убийцы вернулись к Святополку:

— Вот, исполнили мы всё, что повелел ты.

И возгордился Святополк, услышав это.

Спустя некоторое время Святополк Окаянный убил ещё одного своего брата, Святослара. И начал помышлять и других своих братьев убить и одному владеть всею землею Русскою.

Но недолго пришлось ему править в Киеве. Князь Ярослав, прозванный людьми Мудрым, княжил в это время в Новгороде. И вот, узнав о гибели Бориса и Глеба, собрал он войско, двинулся на Киев и изгнал Святополка прочь.

Через несколько лет привёл Святополк на Русь несметные полчища печенегов. Ярослав собрал своих воинов и выступил навстречу ему. Сошлись полки на реке Альте — на том самом месте, где был убит святой князь Борис. И простёр Ярослав свои руки к небу, и так воскликнул:

— Кровь брата моего требует отмщения!

И двинулись полки друг против друга, и покрыли всё поле Альтинское множеством воинов. Трижды сходились полки, так что кровь текла потоками, и к вечеру одолел Ярослав печенегов.

И бежал Святополк с поля битвы, и, когда бежал он, напала на него болезнь, так что ослабел он всем телом и не мог даже на коня сесть. И везли его на носилках. Святополк подгонял слуг своих, так говоря им:

— Скорее бегите! Скорее! Гонятся за нами! Вот уже догоняют нас!

Смотрели слуги его вслед, и никто не гнался за ними. Не мог Святополк оставаться на одном месте. Гонимый Божьим гневом, промчался он через всю землю Польскую и достиг глухого, пустынного места, где и окончил неправедную жизнь свою. Есть могила его на том месте, и исходит от неё зловоние смрадное. Всё это — в поучение князьям русским: если снова совершат они такое же злодеяние, то и наказания такое же примут, и даже большее.

Святые же мученики Борис и Глеб прославились по всей земле Русской. У гроба их стали совершаться исцеления: слепые прозревали, хромые начинали ходить. О них вспоминали князья, когда совершали какие-то недобрые дела, — вспоминали и исправлялись: освобождали невинных от уз, а бывало, и прекращали кровопролитные междоусобицы. В их честь освящались церкви, им писали иконы. Преподобный Нестор написал «Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе». Еще раньше неизвестный автор составил «Сказание» о святых. Из них-то, да ещё из русской Летописи, мы и узнали о жизни святых князей.

Борис и Глеб стали самыми почитаемыми русскими святыми. Спустя много лет и даже веков, когда на Русь нападали враги, образ святых князей, готовых добровольно принять смерть, помогал народу выстоять. В видениях и вещих снах они представляли перед защитниками Отечества. Их, готовых помочь своим родичам, видели витязи храброго князя Александра Невского перед битвой со шведами и воины великого Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы. «Присными (то есть вечными, неизменными) заступниками земли Русской» называли святых братьев. Да и теперь, в дни празднования святым, которые приходятся на 6 августа и 15 мая (по новому стилю), мы обращаемся к ним с просьбой и мольбой о заступничестве за Русскую землю.

Дорогие ребята! Предлагаем вашему вниманию литературный журнал «Золотое солнышко». Это журнал о занимательном русском языке, созданный детьми и для всех (под руководством Махановой Е.А., учителя русского языка и литературы СОШ № 1022 и Домашней школы InternetUrok).

Колгин Юрий, Красноярский край, 4 кл.

Мой прадедушка – герой

Я ученик 4 класса. Люблю слушать рассказы учителя на исторические темы про Минина и Пожарского, Александра Невского. Нравятся мне рассказы моих бабушек и дедушек об участниках Великой Отечественной войны. Слушая рассказы о войнах, всегда восхищаюсь их смелостью и бесстрашием. Жили они в разные времена, но бескорыстно любили свою Русь, Россию, защищали её от врагов. О кровопролитной войне 1941–1945 годов знаю уже немало, представляю, как тяжело было нашим солдатам справляться с фашистскими негодями. Много защитников Отечества полегло на полях сражений, некоторые попали в плен, пропали без вести. Но всё выдержал русский народ, победил в ужасной битве.

Узнал я и том, что у меня был прадедушка, Тепляшин Тимофей Алексеевич. О нём я и хочу рассказать.

Жил он в Старой Алтатке. В молодые годы его призывали служить в царскую армию, затем работал в колхозе кузнецом. Трудолюбивым был, честным и скромным. Односельчане кузнеца уважали, часто обращались за помощью. Кузнец в колхозе — ценный и незаменимый работник. Так бы и продолжал делать добрые дела мой прадед, но пришла беда в образе «проклятой войны». Как и других мужчин, Тимофея Алексеевича призвали на войну в 1941 году. Сначала писал письма, из которых родственники узнали, что прадед на повозке развозил бойцам обеды. Опасность подстерегала на каждом шагу. Но мой воин, вместе с другими бойцами, храбро преодолевал трудности. Его главная забота была — накормить своих товарищей. Мне сказали, что мой прадед погиб на войне, как герой. Я часто представлял своего героя: вот он едет на повозке, торопится накормить солдат, кругом свистят пули, разрываются снаряды. А боец упрямо едет и едет вперёд. О том, что прадеда нет в живых, до моего сознания не доходило, наверное, маленький был ещё. Я гордился своим прадедом, я любил его, хотя никогда не видел живым, и хотел быть на него похожим. В моей семье часто о прадедушке вспоминают.

И вот недавно мои родители пригласили меня в комнату, усадили на стул и сказали, что я уже большой и должен знать правду о своих прадедах, дедах. Они решили рассказать мне о последнем дне жизни Тепляшина Тимофея Алексеевича. Со слезами на глазах мама начала рассказ: «Юра, ты знаешь, что наша страна отпраздновала великое событие — 70-

летие Победы над фашистской Германией. Много человеческих жизней унесла эта жестокая война. Мало осталось свидетелей тех дней. Все защитники Отечества — настоящие герои, они ковали Победу, не жалея себя. Герой и твой прадед, Тимофей Алексеевич. Но погиб он страшно. Об этом рассказал нам очевидец, чудом оставшийся в живых. И ты должен знать и помнить об этом всегда. Ты должен донести эту правду до будущих своих детей и детей твоих детей. В 1942 году летом повозка прадеда, вместе с сопровождением солдат, попала в засаду. Фашисты загнали всех в болото. Вместе с лошадьми повозку, людей затягивало в тину. Выхода спастись не было. Но кроме ржання лошадей, ни одного звука не слышали от бойцов. Только фашистам от такой жуткой картины было весело. Раздавался их дикий хохот. Затем варвары решили поджечь болото. Всё кругом запылало. Раздались нечеловеческие крики, стоны на всю округу. Так твой прадед и все солдаты сгорели заживо. Все они награждены посмертно медалью «За отвагу». Награждён и прадед».

Мама закончила рассказ, плача навзрыд. Плакал навзрыд и я.

Не сдерживал слёзы и папа. Вот о таком эпизоде из жизни своего любимого героя я узнал.

И теперь, когда я вспоминаю о Тимофее Алексеевиче, перед моими глазами всплывает горящее болото, я слышу крики, стоны людей, ржання лошадей, хохот врага. Мне становится не по себе. У меня сердце сжимается от жалости к бойцам, животным, всплывает ненависть к фашистам. Будь они прокляты!

Я всегда буду помнить и благодарить за мирную жизнь моего прадедушку Тепляшина Тимофея Алексеевича и всех воинов, которые ценою своей жизни завоевали Победу.

«От героев былых времен, не осталось порой имён.

Те, кто приняли смертный бой, стали просто землей и травой...

Только грозная доблесть их, поселилась в сердцах живых.

Этот вечный огонь, нам завещанный одним, мы в груди храним».

Я молю Бога, чтобы никогда не было войны, чтобы наша многострадальная страна больше не страдала. Я за МИР во всё МИРЕ!

Никульшина Карина, Москва, 4 кл.

Арепьев Михаил Иванович — славный воин!

Вот и отпраздновали в нашей стране юбилей Дня Победы — самого важного праздника для нашего Отечества, для каждого россиянина, для тех, кто не понаслышке знает об ужасной, кровопролитной Великой Отечественной войне. «Победа, как она досталась? Каким путём мы к ней пришли? И раны были, и усталость, и шрамы на груди земли...» — слова, подтверждающие то, что нелегко было победить в Великой Отечественной войне. Немало горя принесла война в каждую семью. Нет семьи, которая не потеряла бы отца или брата, мать, сёстры. Нет дома, которого в годы войны не коснулось бы несчастье.

Родственники погибших воинов листают семейные альбомы, вглядываются в пожелтевшие старые фотографии и плачут. Деды, отцы, сыновья, дяди погибли, умерли от ран, умерли от старости, пропали без вести. Какие страшные слова... пропал без вести. Значит, никаких вестей нет о человеке?! Где

воевал, как воевал, погиб или в плен попал? Неизвестно!!! Сколько их таких солдатиков, сколько молодых парнишек погибло? Точного ответа никто не знает. И это печально!

Коснулась война и моей семьи. Мы тоже частенько листаем свой семейный альбом и рассматриваем одну старую маленькую фотографию. На ней мой прадедуська, Арепьев Михаил Иванович, родившийся в 1906 году. Он был участником Великой Отечественной войны. На фронт призван в 1942 году. Но, к большому сожалению, через год Михаил Иванович погиб. Мы очень долго не могли найти никакой информации о месте захоронения моего прадеда. Хорошо, что сейчас есть сайты в Интернете, на которых можно найти сведения о защитниках Отечества. С помощью сайта «Мемориал», мы узнали место захоронения Арепьева Михаила Ивановича. Как все были рады! Взрослые плакали! Оказалось, мой прадед — участник Курской битвы — и сражался в танковой дивизии в деревне Прохоровка. Курская битва — одно из самых крупных сражений войны. Недаром это место наши ветераны назвали «вторым Сталинградом», а немцы плачут, вспоминая о нём. Здесь шли самые страшные бои за всю историю Великой Отечественной войны. Жутко читать воспоминания очевидцев: «Гудела земля, гарь, дым, разрывы мин, пыль и пепел — всё сплошной стеной заслонило кругом. Бомбардировщики, артиллерия и миномёты врага беспрерывно вели огонь. Всё смешалось. Немцы атаковали, наши войска стойко оборонялись. Это была отчаянная попытка немцев вновь повернуть ход войны в свою пользу. Но у них ничего не получилось!».

В этом пекле 12 июля 1943 года мой прадедуська погиб и был захоронен в братской могиле, которая расположена в селе Береговое (№40 в списке воинов, захороненных в братской могиле).

Арепьев Михаил Иванович — славный воин! Я никогда не видела его, но я горжусь, что в моей семье были такие люди, на которых можно равняться. За нашу сегодняшнюю жизнь он пожертвовал своей молодостью, здоровьем, жизнью. Прошли десятилетия, но не стихает в сердцах моих родных боль утраты. И велика наша благодарность Арепьеву Михаилу Ивановичу и тем, кто защитил нашу землю от врага.

«Не забудет народ — победитель беззаветных героев своих.

Никогда не забудут живые об ушедших друзья боевых».

Закончилась Великая Отечественная война, но эхо ее до сих пор не затихает в людских душах. Да, у времени своя память. Мы не имеем права забыть ужасы этой войны, чтобы они не повторились вновь. Мы не имеем права забыть тех солдат, которые погибли ради того, чтобы сейчас мы жили. Мы, потомки, обязаны всегда об этом помнить, уважать старость живых ветеранов, ценить и хранить память о погибших воинах.

Свой рассказ я хочу закончить строками из песни Ю. Визбора «Военные портреты»:

Живут нешумно ветераны, для них награда — тишина,

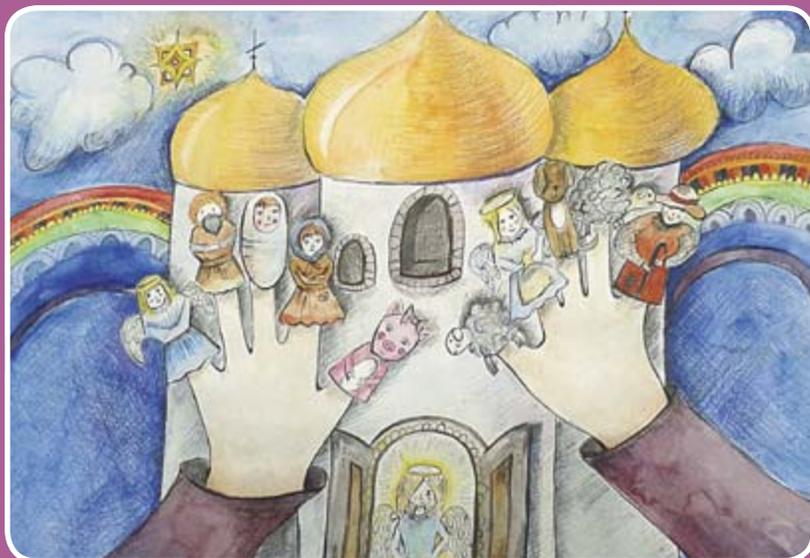
Ещё гудит осколком рваным в их сердце адская война.

Им ночью вспомнится такое, что жар души не затушить.

Уже не сотни — очень мало фронтовиков осталось жить.

Но тем, кто жив, не в унижении, а в уважении, как сыны

За их и мудрость, и терпенье, мы низко кланяться должны.

1

НАШ ВЕРНИСАЖ

Рисунки учащихся изостудии «Вдохновение», лицей № 15, г. Химки, Московской обл. Руководитель А. П. Караченцева

2

3

4

5

6

7

1. Попонникова Александра, 12 лет
2. Шклярова Рита, 9 лет
3. Фадеева Юлия, 12 лет
4. Шувалова Наталья, 12 лет
5. Сомова Дарья, 14 лет
6. Теплоухова Алиса, 13 лет
7. Дворникова Евгения, 12 лет

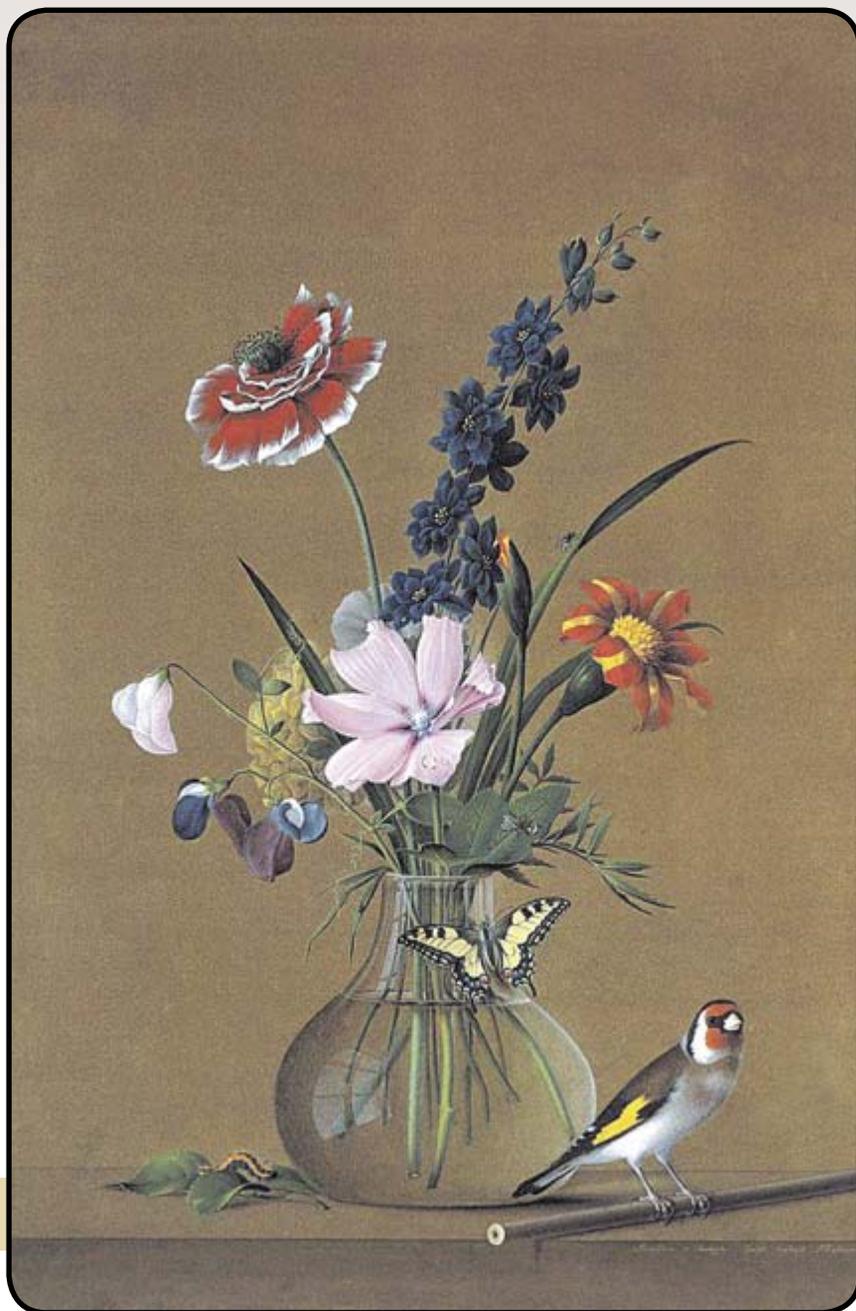
*«Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной...»*

А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Салочки с дедушкой

Ф. Толстой. «Букет цветов, бабочка и птичка». 1820 г.

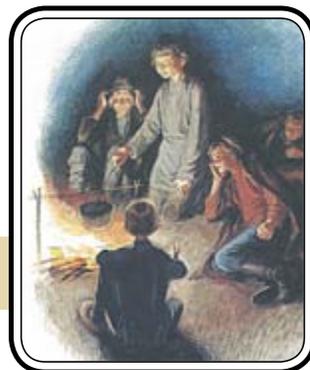
УГОЛОК РОССИИ:

Бежин луг

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:

Габардиновая кепка

РАССКАЗЫ:

И.С. Тургенев. Бежин луг